

Утром Ци Хан очнулся от того, что его вышвырнули с кровати.

Ци Хань всю ночь выпускал феромоны, так что руки не слушались от усталости. Только под утро ему удалось немного задремать. Ему даже приснился сладкий сон, где Фу Гэ уютно свернулся у него на груди и тихо посапывал. Но стоило ему потянуться за поцелуем, как раздался громкий «бам!», и альфа с глухим стуком грохнулся на пол.

Сон рассыпался, оставив после себя горькую пустоту и растерянность.

Могучий и величественный председатель Ци медленно выполз из-под кровати, потирая ушибленную спину. Но вместо того чтобы встретить тёплый взгляд, он наткнулся на Фу Гэ, который сидел на кровати и сжимал в руках вилку, глядя на него с такой яростью, будто собирался наброситься.

Течка почти прошла, и к маленькому бете вернулся его прежний боевой дух. В глазах сверкала холодная ненависть, и весь его вид говорил: только попробуй подойти.

Ци Хань медленно поднялся, отступая на шаг, чтобы не провоцировать.

— Не бойся, я ничего не делал, — попытался он смягчить голос. — Просто... случайно уснул.

— Хватит, Ци Хань! — зло выкрикнул Фу Гэ, сжимая вилку так, что костяшки побелели. — Хватит этих игр! Убирайся отсюда! Немедленно!

Ци Хань опустил глаза и, сцепив зубы, коротко кивнул:

— Понял.

Рука дрожала, когда он приложил её к плечу, где рана в который раз разошлась.

— В восемь часов придёт медсестра и принесёт завтрак. Поешь хоть немного, ты уже два дня ничего не ел.

— Заткнись! — выкрикнул Фу Гэ, и вилка со свистом полетела в него, ударив в грудь.

Ци Хань даже не оглянулся, только тихо выдохнул и пошёл к двери.

Но, прежде чем уйти, он прошёл вдоль стеклянной стены изолированной комнаты, стараясь как можно больше оставить феромонов, будто пытаясь хотя бы так облегчить Фу Гэ его мучения.

Выглядел он при этом как побитый пёс, которого только что выставили за дверь, и который теперь метит территорию, чтобы хоть что-то оставить своему хозяину.

Фу Гэ не мог почувствовать сам запах, но тёплая, едва ощутимая волна заставила его сразу понять, что Ци Хань делает. Лицо моментально побагровело от ярости.

— Ах ты...! — его голос задрожал от бешенства, и он схватил первое, что попало под руку, и со всей силы швырнул в дверь.

Только когда услышал глухой стук и увидел, как ткань медленно сползает по стеклу, понял, что это было маленькое полотенце, на котором он лежал во время течки.

Полотенце было ещё влажное.

Ци Хань, на секунду опешив, поднял его с пола. Пальцы осторожно касались влажной ткани, и он невольно замер.

— Верни! — взвизгнул Фу Гэ, лицо пылало от стыда и ярости. Он сорвался с кровати и бросился к нему, пытаясь отобрать.

Но Ци Хань, не дав ему шанса, быстро свернул полотенце, словно это была самая ценная реликвия и сунул его себе под рубашку, прижимая к груди. Потом распахнул дверь и со всех ног бросился прочь, будто за ним гнались все демоны ада.

— Ого, с кровати сбросили? — раздался ехидный голос. — Не думал, что и у великого председателя Ци бывают такие дни.

Ци Хань лишь мельком взглянул на Чэнь Сина, и привычная ледяная маска вернулась на лицо.

— Ты совсем без дел?

— Да ну, как же. — Чэнь Син театрально вздохнул. — Работу-то всегда можно найти. А вот такого зрелища больше не будет. Где ещё я увижу такое шоу? — Он оценивающе прищурился на алое пятно, проступившее сквозь повязку на левом плече Ци Ханя, и присвистнул. — Ничего себе, маленький бета совсем отбитый. Сколько крови ты уже потерял? Этого хватило бы, чтобы он целую ванну себе набрал. А ты ещё на ногах держишься?

— Да сколько там той силы, — тихо отозвался Ци Хань, будто речь шла о царапине.

— Только гляньте на этого бедняжку! — Чэнь Син рассмеялся так громко, что на него оглянулись медсёстры. — Это ж надо так унижаться. Оно того вообще стоит?

Рука, что прижимала повязку к плечу, на мгновение застыла, но Ци Хань даже не поднял головы. Он только аккуратно заправил края бинта под пиджак, словно пряча не рану, а своё бессилие.

— Я слишком много ему задолжал, — тихо сказал он, и голос прозвучал глухо, почти равнодушно.

— Как знаешь, — буркнул Чэнь Син, махнув рукой.

Для человека, который открыто носил звание главного ловеласа города и умудрился прикупить квартиры для всех своих любовников в одном элитном жилом комплексе, это всё выглядело как чистой воды мазохизм.

С его точки зрения всё было просто: нравится — встречайся, не нравится — расставайся. Ну какие, к чёрту, долги? Это же не кредит выплачивать.

Ци Хань скользнул взглядом по его одежде и с лёгким подозрением уточнил:

— Ты откуда на этот раз?

— С 303-й квартиры. — Чэнь Син ответил на автомате, а потом понял, что спалился. — Ай, да брось, всего лишь новый знакомый. Я даже имени ещё не запомнил.

— Смотри, не подцепи что-нибудь.

— Да не в жизнь! — Чэнь Син возмутился, даже грудь выставил вперёд с гордостью. — У меня всё под контролем. Я их всех регулярно на медосмотры отправляю. Собираю компанию, загружаю в автобус и везу в клинику. Всё организовано, безупречная логистика.

Говорил он это так гордо, будто речь шла о выпускной церемонии.

Ци Хань лишь коротко хмыкнул, не став больше ничего спрашивать.

На самом деле, когда-то Чэнь Син не был таким. Лет в семнадцать-восемнадцать он был даже наивнее Фу Гэ. Звезда университетской баскетбольной команды, альфа с ароматом роз, с чистой улыбкой и безупречной репутацией. Девушки выстраивались в очередь от спортзала до южных ворот кампуса.

Но потом его так больно предали, что он, не раздумывая, прыгнул в городскую реку. Парня еле откачали и с тех пор и изменился.

Тех, кто влюблялся в него, Чэнь Син обходил за десять километров, а вот тех, кто шёл к нему ради денег, принимал с распростёртыми объятиями.

В конечном итоге он обустроил целый жилой комплекс для своих любовников, построив самую надёжную систему отношений — исключительно на выгоде. Это было настоящее празднество разврата и порока.

И только ночью, когда хмель ударял в голову, он одиноко выл на берегу реки. В остальное же время Чэнь Син предпочитал считать себя лёгким на подъём и счастливым человеком.

— Где специалист, которого я тебе велел найти? — голос Ци Хана был ровным, но ледяным.

— А, точно, забыл сказать. Он уже здесь, сейчас сидит в конференц-зале с другими стариками и обсуждает состояние твоего драгоценного мальчика, — Чэнь Син лениво потянулся. — Хотя, судя по их лицам, новости так себе.

— На данный момент мы можем предложить два варианта лечения.

Эксперт развернул перед Ци Ханем снимки внутренностей Фу Гэ и показал на один из них:

— Операция по удалению метки была проведена крайне некачественно. Остатки феромонов не были полностью вычищены, а некоторые участки повреждены слишком глубоко.

На экране отображалась детализированная картинка: крошечное, розовое, округлое образование размером с ногтевую пластину. Оно выглядело хрупким и нежным.

Но его поверхность была испещрена ярко-красными ранками, из которых сочилась кровь. Некоторые участки были настолько воспалены, что начали гноиться.

Ци Хань сдавленно вдохнул, а когда открыл рот, горло будто заполнилось ватой:

— Простите... А как вообще проходит эта операция?

— Вы не знаете? — Доктор поднял бровь и запустил обучающее видео.

На экране показали анимацию: длинный инструмент с вращающимися лезвиями проник внутрь, и как только они начали вращаться, мягкая ткань буквально срезалась и перемалывалась, как фрукты в соковыжималке. Кровавое облако мгновенно заполнило изображение.

— БЛЯДЬ... — даже Чэнь Син побелел, застыв с открытым ртом. — Да это же живодёрство

какое-то!

Ци Хань перестал дышать. Его зрачки расширились, а в глазах сверкала такая безумная ярость, что казалось, ещё немного — и они лопнут от напряжения.

— Значит... так просто... мясо перемалывают и вычищают? — прохрипел он, и голос едва не сломался.

— Да, — холодно подтвердил эксперт. — Такие операции сами по себе крайне опасны для организма беты. А при некачественном проведении могут закончиться летальным исходом. У вашего друга ткани уже давно в состоянии хронического воспаления. Они слишком хрупкие, любое неловкое движение может вызвать разрывы и кровотечение.

— Очень легко травмируется...

Ци Хань словно безумный повторял эти слова, глухо переспросил:

— Тогда... во время... секса... ему больно?

— Конечно, — врач даже нахмурился. — В его состоянии половые контакты категорически не рекомендуются.

Ци Хань судорожно сжал подлокотники кресла, а перед глазами встали обрывки воспоминаний — те самые сцены, которые он старался не вспоминать.

Их было две. Обе одинаково чудовищные.

Первая произошла до того, как Фу Гэ восстановил память. Это длилось больше шести часов. Маленький бета раз за разом всхлипывал, жалобно крича от боли.

Вторая случилась уже после. В заброшенном здании, прямо на холодном бетонном полу, когда Ци Хань был ослеплён яростью. Тогда Фу Гэ терял сознание трижды, но альфа не замечал ничего, кроме своего собственного бешенства.

А потом, когда Фу Гэ, из последних сил цепляясь за сознание, захлёбывался в слезах и молил о пощаде, Ци Хань наклонился к самому уху и прошептал:

— Тебе нравится, Гэ?

Если бы рядом оказался нож, он бы, не раздумывая, вогнал его себе в сердце.

Пальцы впивались в ладонь так сильно, что кожа под ногтями побелела. Голос сорвался на хрип:

— Из... из двух вариантов... какой из них сделает так, чтобы ему не было больно?

— Первый — это тот, что мы чаще всего рекомендуем, — снова провести операцию по полной очистке метки.

— Второй, — глухо перебил Ци Хань. — Только второй.

— Может, всё-таки выслушаете сначала? — доктор слегка удивлённо приподнял брови.

— Здесь нечего обсуждать. Он не выдержит ещё одну операцию.

Доктор неопределённо пожал плечами и перевернул страницу медицинской карты:

— Ладно. Тогда второй вариант — инъекции ваших феромонов. Если вводить небольшие дозы информации альфы, который его уже метил, то ткани начнут постепенно восстанавливаться, а баланс организма восстановится.

— Согласен, — не задумываясь, бросил Ци Хань.

— Вам лучше не спешить с ответом, — доктор невозмутимо поправил очки. — Восстановление займёт много времени: минимум три-пять лет, а в худшем случае — десятилетия. Это значит, что вам придётся ежедневно проходить процедуру извлечения феромонов. Постепенно это истощит как ваши железы, так и вашу психику.

— Ни за что! — Чэнь Син замахал руками так, будто пытался отогнать рой пчёл. — Каждый день, годами? Да это же не водопровод! Он что, по-твоему, феромоны на разлив продаёт?

— Заткнись, — ледяным тоном оборвал его Ци Хань и впился взглядом в доктора. — Продолжайте.

— Да, конечно. Чтобы железы не теряли активности, под кожу потребуется вживить специальную трубку. При этом извлечение феромонов должно проводиться при полном сознании, что будет крайне болезненным процессом.

Ци Хань даже не моргнул. Какая бы боль ни ждала его, вряд ли она могла сравниться с той, что пришлось пережить Фу Гэ.

— Я согласен. Начинайте сегодня днём. Чем скорее он начнёт лечение, тем лучше.

— Эй! Погоди-погоди. — Чэнь Син, не выдержав, буквально вцепился ему в рукав. — Как это каждый день? И как вообще извлекают феромоны? Инструмент или... шприц?

— Шприц. Игла диаметром 0,7 мм, — невозмутимо пояснил доктор.

На лице Чэнь Сина отразился такой ужас, что даже медсестра испуганно подалась назад.

— Нет, ни за что! — Он расширенными глазами уставился на Ци Ханя. — Ты что, совсем тронулся?! Ты же боишься иголок! Да тебе и без проколов плохо, а тут каждый день... это же конец.

Он-то знал всю подноготную. С детства Ци Хань страдал острой трипанофобией. Один вид шприца заставлял его белеть, а прикосновение иглы — падать в обморок.

— Обезболивание использовать нельзя? — тихо спросил Ци Хань, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладонь. Перед глазами тут же всплыло воспоминание: Фу Чжэньин, холодный как лёд, вонзает иглу с ингибитором ему прямо в грудь.

— Нет, — доктор покачал головой. — Обезболивание нейтрализует феромоны.

Спина Ци Ханя напряглась, он зажмурил глаза и глубоко вдохнул, пытаясь успокоить дыхание.

— Тогда... начинайте.

На деле всё оказалось в разы хуже, чем он мог представить.

Первым шагом было вживление трубки под кожу. Для этого использовали инструмент, похожий на степлер, но размером с ладонь. С его помощью в области под железой пробивали небольшое отверстие, куда медленно проталкивали две металлические скобы, удерживающие трубку.

С каждым миллиметром трубка с силой разрывала мышцы и продвигалась дальше, пока полностью не скрывалась под кожей. Скобы же продолжали свой путь, выходя с другой стороны, и всё это время инструмент трещал и вибрировал, словно гигантский скобосшиватель.

А это была всего лишь первая часть процедуры.

Даже Чэнь Син, стоявший рядом и наблюдавший за всем через стекло, едва не выпустил телефон из рук, побледнев как мел.

— Слушай, братан... Может, передумаешь? — его голос дрожал. — Честно, я бы и пяти секунд

не выдержал.

Ци Хань не ответил. Лицо было бледнее простыни, но взгляд оставался жёстким и непоколебимым.

Ци Хань зажал в зубах моток бинта, глаза горели болезненной решимостью.

— Начинайте.

— М-м—!!

Как только толстая игла пробилась кожу, всё тело резко выгнулось, а пальцы с судорожной силой впелись в простыню. Крупные капли пота скатывались по лбу, оставляя тёмные пятна на подушке.

— Н-не... не надо—!!

Когда стальные скобы и трубка начали медленно вгрызаться в плоть, альфа задрожал так сильно, что казалось, ещё немного — и суставы разлетятся. Острый укол в вену мгновенно вернул его в прошлое — в тот самый ужас, который он пытался забыть.

Картинки в голове резко разорвались пополам: с одной стороны — безжизненное тело отца, с другой — бесконечные уколы ингибиторов, что оставляли за собой лишь боль и крики.

— Н-нет! Не подходи! — Ци Хань всхлипывал, захлёбываясь собственным дыханием. — Не трогай меня, не надо! Не колите!

Лицо побагровело, глаза закатились, и на губах появилась белая пена. Он бился в судорогах и в любой момент мог потерять сознание.

Доктор ошеломлённо отшатнулся:

— Ч-что с ним?! Это что, анафилактический шок?!

— Нет. — Чэнь Син, побледнев как мел, прижал его за плечо, глаза покраснели. — Не останавливайтесь. Если затянете, только хуже будет. Давайте быстрее, просто заканчивайте это к чёрту!

Доктор замешкался всего на пару секунд, но потом, сжав зубы, резко толкнул «степлер» дальше. Скобы со скрежетом вошли до конца, прокладывая путь трубке.

И тут Ци Хань вдруг взвыл так, что кровь застыла в жилах. Он резко вскинулся, выгнувшись дугой, и одним мощным рывком сорвал ремни фиксации. Всё тело дрожало в неуправляемой истерике, а из горла вырывался хриплый, рваный крик.

— А-а—!! — В глазах не было ничего, кроме дикой боли. Альфа рухнул на пол, буквально вдавливаясь лицом в холодный кафель, и забился в рвотных спазмах.

Красные потёки потекли по шее — трубка и стальные скобы с треском вырвались из раны, оставляя за собой широкий кровавый след.

Его выворачивало так сильно, что даже когда в желудке не осталось ни капли пищи, он продолжал судорожно кашлять, извергая лишь жёлчь и кислую жидкость.

Кровь, слёзы, пот и рвота пропитали рубашку, размазываясь тёмными пятнами. Величественный и непоколебимый председатель Ци впервые выглядел настолько жалко и беспомощно.

— Есть... есть ремни?! — прохрипел он, хватая ртом воздух. Голос был сорван до хрипа, и каждое слово давалось с болью. — Свяжите меня... привяжите к чёрту...

— Ты издеваешься? — Чэнь Син замер, словно не веря своим ушам. — Ещё раз?! Ты совсем чокнулся? Да брось ты это к чёрту, лучше сразу отправить Фу Гэ на операцию! Один раз — и всё!

Ци Хань зажмурился, глубоко вдохнул и, не говоря ни слова, резко схватил Чэнь Сина за плечо и буквально вытолкнул в коридор.

Даже обессиленный, с разорванной раной, он придавил его так, что Чэнь Син не смог даже дёрнуться.

— Хань-ге... Ци Хань! — Чэнь Син с остервенением дёргал дверную ручку, глаза покраснели от ярости. — Да ты ебанулся! Открой эту чёртову дверь, прекрати, чёрт возьми!

— Трах! — Прямо у него перед носом раздался оглушительный треск. Ци Хань, не моргнув глазом, вырвал дверную ручку прямо с замком и швырнул её на пол.

Потом обернулся, прижимая к шее кровавую повязку, и, сжав в пальцах искорёженный кусок металла, хрипло бросил:

— Извините. Я оплачу ремонт. Или... — Он поднял глаза на доктора, который уже смертельно побледнел. — Вам тоже вызвать мастера?

Доктор дёрнулся, как от пощёчины, и быстро закивал:

— П-прошу вас, председатель Ци, присядьте...

Руки и ноги туго зафиксировали ремнями, на глаза накинута плотная повязка. Даже дышать было больно.

Первая рана, куда вставили трубку, разошлась, пришлось вскрывать железу сверху и снова пробивать путь. Когда наконец трубку удалось вставить, тонкая игла диаметром 0,7 мм сразу вонзилась под кожу, стремительно погружаясь вглубь.

Сквозь приоткрытую дверь донеслись приглушённые, сдавленные стоны. Иглу вытягивали и вновь вонзали, раз за разом, прокалывая воспалённые ткани по кругу. Десятки уколов, оставлявших за собой острое жжение и холодную дрожь.

К тому моменту, как последний укол был сделан, железа под кожей совсем опустела, будто сморщенный лист, и даже тогда удалось собрать лишь небольшую пробирку бледно-розовых феромонов.

Ци Хань рухнул на пол вместе с ремнями, едва сорвавшись с креплений.

Ноги не держали, руки дрожали так сильно, что он не мог поднять их, и если бы не врачи, что подхватили его под руки, он бы так и остался лежать на холодном кафеле, не в силах даже повернуться.

Но первое, что он прохрипел, преодолевая боль, было:

— Этого... хватит ему... на сколько дней...?

Пара медсестёр тут же смахнула слёзы, а доктор, нервно теребя перчатки, тихо ответил:

— На один день. Вы же сами видели, насколько это болезненная процедура... К тому же, как я понимаю, у вас сильная трипанофобия, и... мы всё-таки советуем вам пересмотреть решение. Операция для вашего партнёра имеет более 70% вероятности успеха.

Ци Хань поднял пробирку с феромонами к губам и осторожно поцеловал её, словно это была величайшая святыня. Потом аккуратно убрал во внутренний карман и, тяжело дыша, прошептал:

— Мой партнёр этого не выдержит.

Он проглотил три энергетических батончика один за другим, только тогда смог хоть немного прийти в себя. Ноги всё равно подкашивались, но он хоть как-то смог встать, кое-как обработал рану, переоделся и, опираясь о стену, доковылял до палаты Фу Гэ.

Сквозь стекло было видно, как врачи вводят феромоны, но напрямую это было делать нельзя — приходилось смешивать их с физраствором и постепенно капать в вену.

Но, как и ожидалось, организм Фу Гэ не принимал чужие феромоны. Спустя всего несколько минут по шее побежали красные пятна, дыхание стало сбивчивым, пальцы дрожали так сильно, что он не мог даже стакан удержать.

Ци Хань нервно мерил шагами коридор, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. Он до боли кусал губы, но заходить боялся — боялся, что его запах только ухудшит состояние.

— Это лёгкая реакция отторжения, — объяснил врач, поправляя маску. — Препарат слишком ценный, осталось совсем немного, так что... потерпите, пожалуйста.

Фу Гэ, задыхаясь, кивнул, задержал дыхание, стараясь не дергаться. Но сердце стучало всё сильнее, в ушах шумело, словно внутри ураган.

— Доктор... можно... приостановить на минутку? Мне как-то... плохо... — голос дрожал, и каждое слово давалось с трудом.

— Терпите уже, сказали же, — раздражённо бросила одна из медсестёр, что видела, как Ци Хань проходил процедуру. — Чего вы так разнылись? Это ж ваш альфа полжизни на этот флакон положил!

— Заткнись!

— Простите, что?!

Два голоса прозвучали одновременно: один — глухой и хриплый, из палаты, другой — резкий и сорванный, из коридора.

Фу Гэ резко поднял голову и сразу встретился взглядом с Ци Ханем. Сквозь стекло он заметил повязку на его шее, мертвенно-бледное лицо и сразу всё понял.

— Это... ты... вытянул их? — его голос дрожал, будто срывался на полуслове. — Это твои феромоны?

— Ты же сам слышал, — Ци Хань пытался улыбнуться, но губы дёрнулись так криво, что вышло скорее похоже на болезненную гримасу. — Знаю, это неприятно... Потерпи чуть-чуть, ладно?

Или... или пусть снизят скорость капельницы. У нас всего один флакон на сегодня, нужно экономить.

Фу Гэ опустил глаза, нервно теребя край простыни.

— Это... больно? — глухо спросил он, сжав кулаки так, что побелели пальцы. — Когда... вытягивают феромоны?..

Пару секунд Ци Хань просто молчал. Потом его веки задрожали, и в уголках глаз запеклись слёзы. Он резко отвернулся к стене, моргая так быстро, что ресницы дрожали, а плечи подрагивали, словно от холода.

Он хотел ответить, что нет, что всё нормально, что это не больнее укола. Но стоило ему бросить взгляд на Фу Гэ — сидящего на больничной койке, с опущенными глазами, нервно теребящего пальцы — и горло сдавило такой болью, что стало нечем дышать.

Глупое, детское желание подняло голову: хотелось, чтобы Фу Гэ пожалел его хоть чуть-чуть, посмотрел на него не так холодно, чтобы задержал взгляд хоть на пару лишних секунд.

— Немного больно. Не слишком приятно... Сяо Гэ, потерпи чуть-чуть, ладно? — Ци Хань старался говорить мягко, но голос всё равно дрожал.

Фу Гэ медленно сел на кровати, сбросил ноги на пол и, шатаясь, подошёл к стойке с капельницей. Пальцы слабо тряслись, но он будто не замечал.

— Ты хочешь... использовать это, чтобы спасти меня? — глухо спросил он, глядя на бледно-розовую жидкость в пробирке.

— Я... — Ци Хань поперхнулся, глаза расширились, и он, словно одуревший, затряс головой. — Я не... не хотел использовать это, чтобы заставить тебя меня простить! Это только чтобы вылечить тебя, клянусь! Я не... я вовсе не...

Слова оборвались. Ци Хань замер, побелев как мел, когда увидел, как Фу Гэ медленно вытянул пробирку из капельницы.

— Погоди... что ты...

Фу Гэ не обернулся. Лишь холодно вскинул запястье — и, не моргнув глазом, резко перевернул пробирку.

Бледно-розовая жидкость, как тонкая струйка росы, медленно стекла на пол, растекаясь пятном.

Ци Хань застыл, глаза распахнулись так широко, что казалось, ещё немного — и они лопнут. Горло пересохло, а пальцы мелко задрожали.

— Сяо Гэ... ты что... что ты наделал... — хрипло прошептал он, ноги не слушались, а сердце билось так больно, что казалось, вот-вот разорвётся.

Фу Гэ по-прежнему стоял к нему спиной. Лишь холодный взгляд скользнул через плечо, и губы дрогнули в презрительной усмешке:

— Теперь ты хочешь меня спасти? — его голос был тихим, но в каждой интонации звучала такая горечь, что от неё сводило скулы. — А где ты был, когда я мечтал сдохнуть, потому что боль была невыносимой?

Ци Хань будто в землю врос. Веки дёрнулись, грудь резко сжалась, и воздух в лёгких застрял комом.

— Я... Сяо Гэ, я... — слова не шли. Горло будто залили свинцом, и даже вздохнуть было больно.

Фу Гэ лишь отвернулся, по-прежнему стоя над бледно-розовой лужицей, что расплывалась по полу, оставляя за собой тягучие, липкие следы.

<http://bllate.org/book/14453/1278316>